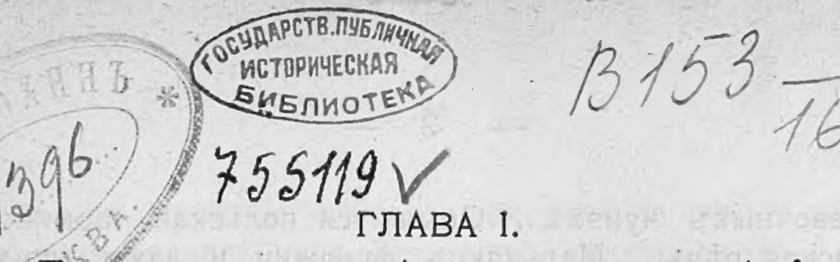
Издательство
„Трудовой союзъ"

А. Б-ИЧЪ.

Крестьянская Дума въ тюрьмѣ.

(Матеріалы къ изученію народнаго правосознанія).

1907 г. Цѣна 7 коп.

ГЛАВА I.

Тюремныя встрѣчи и впечатлѣнія.

I. Крамольная Россія въ тюрьмѣ.

Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, успѣваешь порядкомъ поотвыкнуть отъ человѣческаго общества... Но вотъ, неусыпно пекущееся о васъ начальство распоряжается о переводѣ вашемъ въ пересыльный замокъ... И странное, ошеломляющее впечатлѣніе испытываешь, когда въ одинъ прекрасный день изъ тишины и уединенія одиночной камеры внезапно перенесешься на обширный, залитый солнцемъ и наполненный шумной толпой гуляющихъ „политическихъ" дворъ пересыльной тюрьмы. Громадный мячъ, отбрасываемый со всѣхъ сторонъ, носится надъ дворомъ, а за нимъ съ крикомъ, смѣхомъ и толкотней носится ватага играющихъ, угрожая сбить съ ногъ зазѣвавшагося встрѣчнаго... Въ сторонѣ компанія сражается въ городки... У стѣнъ и подъ навѣсомъ всюду расположились группами пересыльные... Тутъ слышится ожесточенный споръ, тамъ, сбившись плотно въ кучку и стараясь не проронить слова, слушаютъ чтеніе газеты, этого запретнаго тюремнаго плода... Немного далѣе нѣсколько гурійцевъ, вспоминая далекую родину, затягиваютъ свой революціонный гимнъ... Но вотъ мотивъ мѣняется, раздается прихлопываніе въ ладоши, и два гурійца пускаются отплясывать лезгинку...

Первыя минуты растерянности проходятъ... Начинаешь приглядываться къ толпѣ... Кого, кого здѣсь нѣтъ. Вотъ ужъ подлинно:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
„Племенъ, нарѣчій, состояній"...

Тутъ и татары въ тюбетейкахъ, и кавказцы въ папахахъ, и хохлы въ шитыхъ сорочкахъ и необъятныхъ шароварахъ, и великороссы въ домотканныхъ бѣлыхъ рубахахъ

и веревочныхъ чуняхъ... Слышится польская, армянская, латышская рѣчь... Мелькаютъ фуражки и даже мундиры всевозможныхъ вѣдомствъ и учебныхъ заведеній... Рядомъ съ безусыми мальчишками бросаются въ глаза сѣдые, подчасъ дряхлые старики...

И сливаясь съ этой пестрой толпой, окунаясь въ этотъ живой бурливый водоворотъ, чувствуешь, какъ въ груди подымается ощущеніе силы, бодрости, вѣры... Видишь, что могучій порывъ къ свободѣ увлекъ всѣ національности, всѣ общественныя положенія, всѣ возрасты. Видишь наглядно, что всколыхнулась вся Россія, всколыхнулась въ ширь отъ края и до края, всколыхнулась въ глубь, до самаго дна народной жизни...

Великъ и глубокъ океанъ народныхъ страданій и горя... Бурлитъ и клокочетъ этотъ океанъ крови и слезъ, и изъ бездны вѣковыхъ униженій, голода и нищеты встаютъ одинъ за другимъ грозные валы народнаго возмущенія. И тысячи вольныхъ и невольныхъ охранителей суетятся на берегу разбушевавшагося народнаго океана, не зная, какъ имъ унять народную грозу... Вооружась ковшами и черпаками, спѣшатъ они отчерпнуть, снять прочь пѣнящіеся гребни встающихъ изъ глубины валовъ и отплеснуть ихъ дальше, какъ можно дальше... Удаленіемъ такъ называемыхъ „зачинщиковъ“ надѣются они успокоить волненіе... И работаетъ безъ передышки день и ночь правительственный насосъ надъ откачиваніемъ „крамолы“, правильной смѣной идутъ — одинъ за другимъ этапы въ далекія пустыни сѣвера и „крамольныя“ волны правильной, безконечной чередой перекатываются черезъ пересыльныя тюрьмы Россіи...

Окрикъ надзирателей: „Въ камеры, господа, пожалуйте! Кончена прогулка“ — прервалъ мои размышленія. Толпа двинулась къ тюремнымъ дверямъ... Раздались звуки марсельезы... Гулко и могуче раскатывались подъ каменными сводами тюремныхъ корридоровъ призывы къ непримиримой ненависти и безпощадной борьбѣ... Дрожали стѣны тюрьмы отъ „крика мести народной“, отъ дерзкаго вызова врагу... Революція, выловленная изъ народной среды, бро-

шенная въ каменный мѣшокъ, запертая за семью замками, словно издѣвалась надъ безсиліемъ тюремщиковъ...

II. Обязательное революціонное обученіе.

За всякое выраженіе недовольства, за смѣлое, рѣзкое слово, по доносамъ поповъ, старшинъ и кулаковъ бросаютъ въ тюрьмы ежедневно сотни „смутьяновъ" и „зачинщиковъ". Переполнились тюрьмы, и не стало у начальства возможности отдѣлять „народъ отъ интеллигентовъ"... Стало оно волей-неволей сажать простыхъ „смутьяновъ" съ настоящими революціонерами въ однѣ камеры. Что же оттого вышло? Сидѣлъ до сихъ поръ нашъ „смутьянъ" въ своей глухой, забытой Богомъ деревушкѣ и зналъ только одно: что „не стало рабочему человѣку житья на бѣломъ свѣтѣ", что „невозможно дольше такую собачью жизнь терпѣть". Отчего ему такъ скверно живется, кто виноватъ въ этой его „проклятущей" жизни, какъ ему новую, лучшую жизнь устроить, — объ этомъ онъ хоть и много думалъ, а додуматься толкомъ не могъ. И вотъ, благодѣтельное начальство сажаетъ его какъ разъ къ тѣмъ людямъ, которые могутъ дать ему отвѣты на всѣ его вопросы, которые и борются именно за улучшеніе его жизни. Тутъ ужъ „до правды" добраться совсѣмъ легко... И вотъ, попавшіе въ тюрьму чуть не въ нѣсколько дней изъ простыхъ недовольныхъ, изъ безсознательныхъ смутьяновъ превращаются въ стойкихъ, убѣжденныхъ революціонеровъ...

Такъ правительство собственными руками подбрасываетъ сухого хвороста въ революціонный костеръ... Усердіемъ начальства пересыльныя тюрьмы Россіи превращаются въ сѣть революціонныхъ школъ, начиная отъ уѣздныхъ остроговъ, школъ какъ бы начальнаго обученія, и кончая столичными университетами, подобно Бутырской тюрьмѣ въ Москвѣ. Въ Россіи собственно уже введено политическое обученіе, если не всеобщее (за недостаткомъ мѣста), то во всякомъ случаѣ безусловно обязательное... Впрочемъ въ принудительныхъ мѣрахъ для возбужденія вниманія и

прилежанія учениковъ надобности не оказывалось. Сама жизнь пробудила и поддерживала ихъ любознательность... Вопросы о томъ, „какъ добыть землю и волю? какъ съ землей устроиться? какія есть партіи и чего онѣ добиваются? что дастъ Дума? удастся ли ей добыть амнистію?“ волновали всѣхъ, даже самыхъ спокойныхъ и лѣнивыхъ... И на всѣ эти вопросы нужно было дать ясные, простые и обстоятельные отвѣты... Политическое преподаваніе велось самыми разнообразными способами: читались и обсуждались газеты, велись бѣсѣды и споры, устраивались митинги и рефераты... Наука поглощалась съ увлеченіемъ...

Вотъ, напримѣръ, летитъ съ „митинга“ крестьянскій парнишка, восторженный, сіяющій... Ему, видимо, не терпится подѣлиться впечатлѣніями...

— Ужъ какъ же антиресно было, — восклицаетъ онъ. — Вѣдь, какъ я, дуракъ, тюрьмы боялся, когда брали меня: думалъ сгину, пропаду тамъ... А я здѣсь только свѣтъ увидалъ... Я бы въ деревнѣ у себя за всю жизнь того не узналъ, что здѣсь за одну недѣлю узнать пришлось...

Все узнать интересуется не одна только молодежь...

Когда въ камеру нашу, занимаемую почти одними интеллигентами, помѣстили человѣкъ до 50 крестьянъ аграрниковъ изъ только что прибывшей громадной партіи, въ камерѣ стало шумно, и нѣсколько интеллигентовъ, желавшихъ читать и заниматься, рѣшили перебраться въ одиночки. Когда они ушли со своими вещами, подходитъ ко мнѣ старикъ лѣтъ 50 изъ новоприбывшихъ и говоритъ:

— Что же это товарищи то ваши ушли? Али это мы ихъ спугнули? Жаль, жаль... А мы на васъ, признаться, разсчитывали... На прежнихъ то этапахъ много всякихъ разговоровъ и споровъ наслушались... Спорятъ это партіи промежь себя, а мы не можемъ по настоящему въ толкъ взять, въ чемъ разница между ними и кто правъ? И рѣшили мы эту разборку до Москвы отложить: въ Москвѣ народу ученаго много, все намъ разскажутъ, растолкуютъ, узнаемъ мы на чьей сторонѣ правда... Пришли, а вы отъ насъ уходите...

Я объяснилъ старику въ чемъ дѣло, и постарался увѣрить его, что мы будемъ очень рады побесѣдовать.

Просвѣщались не только ищущіе просвѣщенія. Тюрьма воспитывала политически даже тѣхъ, кто этого не хотѣлъ.

Вотъ сельскій учитель, человѣкъ семейный, мирный, благонамѣренный обыватель, не только революціей не занимавшійся, но всегда боявшійся ея какъ огня. Состоя учителемъ въ селѣ, онъ состоялъ въ то же время помощникомъ писаря и по обязанностямъ службы помогалъ обществу въ составленіи мірскихъ приговоровъ. Село облегали кругомъ графскія земли, которыя графская контора сдавала кулакамъ. Крестьяне рѣшили добиваться, чтобы земли эти сдавались имъ и составили въ этомъ смыслѣ приговоръ, который и предъявили конторѣ. Чуялъ нашъ учитель всю опасность крестьянскаго движенія и чтобы спасти себя отъ лапъ нечистой силы, на каждый сходъ приглашалъ батюшку служить молебенъ ..

— Мы не какъ нибудь, а все съ молитвой, все съ молитвой... насмѣшливо теперь повѣствуетъ онъ.

Но не помогли бѣднягѣ его молебны и молитвы. Крестьяне, получивъ отъ конторы отказъ, прибѣгли къ „своимъ средствіямъ“... Конечно, забрали первымъ составителя приговора, какъ „подстрекателя“... Попавъ въ тюрьму нашъ бѣдняга, чтобы застраховать себя отъ смѣшенія съ революціонерами и окончательно не погибнуть, объявился кадетомъ. Теперь онъ быстро пропитывается тюремнымъ революціоннымъ духомъ. Отъ былой обывательской пришибленности нѣтъ и слѣда... Онъ лѣвѣетъ съ каждымъ днемъ и о кадетствѣ болѣе не поминаетъ.

Интеллигенты тоже пользуются тюремнымъ досугомъ, чтобы пополнить свои знанія. Кромѣ рефератовъ читаются небольшие частные курсы. Вотъ по корридору гуляютъ трое... Одинъ говоритъ, двое слушаютъ... Это болѣе сознательный товарищъ читаетъ двумъ не вполнѣ еще партійно опредѣлившимся юнцамъ лекціи по аграрному вопросу.

Тюрьма развиваетъ не только сознаніе, но и обществен-

ныя чувства. Это общежитіе, которое стараются, насколько возможно превратить въ полную коммуну. Дѣлятся деньгами, бѣльемъ, книгами. Ограничиваютъ потребности, отказываются отъ преимуществъ, выравниваютъ питаніе... И эти товарищескія отношенія сближаютъ, располагаютъ къ откровенности людей, раздѣленныхъ на волѣ всякими перегородками и предубѣжденіями...

Вліяніе политическихъ распространяется и за предѣлы ихъ среды. Такъ, уголовные, которые содержатся отдѣльно и лишь пользуются отъ политическихъ книжками, прислали намъ обширное и трогательное посланіе, подписанное уполномоченными отъ камеръ. Въ посланіи говорилось, что, хотя начальство старается возстановить ихъ противъ политическихъ, но они на это не поддадутся, политическимъ сочувствуютъ и готовы оказать всякую поддержку. Далѣе выражалась надежда, что, можетъ быть, и имъ выпадетъ на долю принять участіе въ борьбѣ за свободу родины и тѣмъ искупить свои грѣхи. Въ заключеніе выражалась увѣренность, что побѣда политическихъ освободитъ и ихъ, уголовныхъ, потому что большая часть ихъ преступленій совершена была подъ вліяніемъ старыхъ порядковъ... На это посланіе былъ сообща составленъ отвѣтъ. Не знаю, былъ ли онъ отправленъ.

Сочувствіе революціи и ея жертвамъ невольно проникаетъ даже въ сердца тюремщиковъ, не успѣвшихъ окончательно зачерствѣть. Помню маленькую, но яркую сценку.

Обыкновенно съ приходомъ каждаго новаго этапа, первымъ стремленіемъ новоприбывшихъ было повидать шлиссельбургскихъ узниковъ: Гершуни, Сазонова, Карповича и другихъ, содержавшихся въ башнѣ. Достигнуть этого можно было лишь воспользовавшись минутой смѣны караула, когда отворялась калитка, чтобы пропустить нарядъ жандармовъ на дворикъ башни, гдѣ гуляли шлиссельбуржцы...

Вотъ отворилась калитка... Вотъ они... въ сѣрыхъ шапкахъ и курткахъ каторжанъ... Общій порывъ... давка... Десятки рукъ протягиваются къ нимъ... раздаются привѣт-

ствія... торопятся передать новости... привѣты съ воли...

Я оглянулся на стоявшаго на посту жандарма, обязанность котораго была не допускать этой сцены. Совсѣмъ молоденькій, высокій, красивый парень съ едва пробивающимися усиками... А на лицѣ блаженная улыбка, глаза восторженно сіяютъ... Онъ забылъ совершенно, гдѣ онъ и зачѣмъ здѣсь поставленъ, онъ застылъ неподвижно въ умиленномъ созерцаніи зрѣлища, происходящаго на его глазахъ... Казалось, еще моментъ, и онъ смѣшается съ этой толпой, изъ груди его вырвутся тѣ же привѣтствія и рука протянется съ горячимъ рукопожатіемъ къ тѣмъ, кого онъ призванъ сторожить...

III. Народные представители.

Только что прибыла громадная партія, по преимуществу крестьянъ-аграрниковъ изъ среднихъ и южныхъ губерній. Старикъ надзиратель является къ намъ съ возвѣщеніемъ, что въ камеру нашу жалуютъ гости...

— Что жъ это дѣлается... что жъ это дѣлается...— вздыхаетъ старикъ. — „Политиковъ“ пригнали, а политики въ лаптяхъ... Да гдѣ же это и когда видано, чтобъ политика въ лаптяхъ щеголяла...

Есть чему удивляться старику. Сколько лѣтъ служитъ онъ здѣсь, сколько этой самой „политики“ пропустилъ онъ черезъ свои руки и всегда „политика“ была въ сапогахъ и ботинкахъ обута, а теперь, на, поди... въ лапти переобулась... Видно и впрямь близко свѣтопредставленіе...

Среди только что прибывшей партіи обращаетъ на себя вниманіе старикъ лѣтъ 65, какъ оказывается, съ глушинкой

— Дѣдушка, а дѣдушка,—спрашиваютъ его,—далече идете?

— Въ Архангельскую, батюшка, въ Архангельскую... на 3 года...

— За что же, дѣдушка?

— За что? А за то, что оратора отвезъ, за это за самое...

— Какого оратора?

— А кто жъ его знаетъ, батюшка, какого... Пріѣзжалъ какой то къ намъ въ деревню, на сходѣ говорилъ, а что... не знаю... не слыхалъ... Ну, когда кончилъ, староста и говоритъ мнѣ: Дѣдушка, „чоловіка" отвезть надо... Твой, говоритъ, чередъ... Что-жъ, говорю, подводу я дамъ, а отвезть, пусть сосѣдъ отвезетъ: мнѣ недосугъ... Ну, чайкомъ его на дорогу попоили, покормили... А потомъ сосѣдъ и отвезъ... Такъ вотъ, за это за самое... за подводу, значитъ... на 3 года... къ дочкѣ...

— А у васъ, что же, дочка въ Архангельской губерніи живетъ?

— Нѣ...ѣ... зачѣмъ живетъ... Тоже сослана... Только впередъ меня угнали...

— А дочку то за что же?

— А за то... грамотница она у меня... такъ вотъ за грамоту...

— Какъ за грамоту?

— А такъ... Дѣвушка она у меня... въ книжкахъ начитана... первой разумницей въ округѣ слыла... Газету ли прочитать, манифестъ ли растолковать, все къ ней, да къ ней... А какъ выборы подошли, выбралъ ее народъ выборщицей... Ну, тутъ насъ и забрали... Пріѣхало казаковъ человѣкъ 20, посадили насъ въ сани и ну по селу взадъ и впередъ возить... Для острастки народу, значитъ... Ну, бить не били... Господь миловалъ...

— Я одесскій городовой, партіи соціалистовъ-революціонеровъ, — рекомендуется намъ на наши разспросы одинъ изъ новоприбывшихъ. Служилъ въ Одессѣ, а самъ изъ крестьянъ Подольской губерніи... Какъ по долгу службы приходилось имѣть дѣло со всякой нелегальщиной, попадали въ руки прокламаціи, газетки, изъ любопытства прочитывалъ... Понравилось мнѣ, что люди пишутъ насчетъ земли тамъ и прочаго... Захотѣлось знакомство завесть... Обращался я къ арестованнымъ, просилъ людямъ меня рекомендовать. Долго не довѣряли... Но я постарался довѣріе заслужить... Разъ объ обыскѣ предупредилъ, другой разъ

двухъ политическихъ съ товарищемъ велъ во время бунта на „Потемкинѣ“... уговорилъ товарища отпустить... Затѣмъ ужъ форменно въ партію вошелъ, сталъ литературу распространять, кружокъ изъ городовыхъ соціалистовъ-революціонеровъ сорганизовалъ... Ну, тутъ начальство стало за мной примѣчать, и хоть уликъ противъ меня не было, но за недостаткомъ служебнаго рвенія уволили меня все-таки... Я однако, и съ воли поддерживалъ связи съ товарищами... Да разъ нарвался... Принесъ прокламаціи раздавать, вижу незнакомый городовой стоитъ... Я къ нему... Подаю прокламацію: „Вотъ, говорю, служивый, на базарѣ бумажку нашелъ, да плохо я грамотѣ разбираю... Прочти ка мнѣ, что тутъ писано“... Ну, онъ глянулъ, свиснулъ товарища и заарестовали меня... Теперь высылаютъ...

Молодой интеллигентный рабочій... Послѣ 9-го января и отказа рабочихъ отъ участія въ коммиссіи Шидловскаго, былъ высланъ изъ Петербурга...

— Простите, вы партійный? прерываю я его.

— Нѣтъ, ни къ какой партіи не принадлежу...

— Что-жъ такъ?

— Да, какъ вамъ сказать... Первое дѣло, не разобрался я еще хорошенько, а второе, и не охота къ партіямъ присоединяться... Все онѣ спорятъ да ссорятся промежъ себя, а намъ, рабочимъ, это не годится, намъ сейчасъ надо дружно, какъ одинъ человѣкъ стоять... Такъ вотъ, изъ Питера уѣхалъ я въ Баку... Но только скоро и оттуда за участіе въ организаціи стачки выпроводили... Пригнали этапомъ на родину, въ деревню... Глушь, темень... Никакого понятія. Живетъ народъ и не знаетъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается... Сталъ я газету читать, стали собираться, толковать... Предложилъ Крестьянскій союзъ устроить... Согласились... Составили приговоръ объ отобраніи земель... Ну, тутъ начальство спохватилось... Прислали урядника съ 9-ью стражниками арестовать меня... Я въ ту пору на базарѣ былъ... Попробовали взять, да народъ заступился, от-

билъ меня... Затаили за это зло противъ меня... Пріѣхали потомъ съ казаками въ деревню, взяли и жестоко избили... Въ тюрьму... Другой разъ били меня въ Путивльской тюрьмѣ за то, что присоединился къ протесту политическихъ... Теперь въ Архангельскую гонятъ...

— Какъ же безъ васъ тамъ въ деревнѣ... распался вѣроятно союзъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же... У меня дома жена осталась: она работаетъ. Дѣтей у насъ нѣтъ, дѣлать ей нечего — такъ вотъ она мое дѣло продолжаетъ...

На пескѣ у стѣны тюрьмы расположилась группа пересыльныхъ. Бесѣдуетъ хохолъ съ „кацапомъ". Хохолъ, крестьянинъ Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, мало похожъ на крестьянина. Бритое, веснушчатое лицо съ изрядно отросшей щетиной, злые, насмѣшливые, сѣрые глаза, фуражка, пиджакъ, опорки на босу ногу дѣлаютъ его скорѣе похожимъ на босяка или безработнаго. Однако, это крестьянинъ, бывшій солдатъ. Передъ нимъ молоденькій парнишка изъ Орловской губерніи, простоватый и наивный, только что кончилъ разсказывать о томъ, за что его взяли.

Совсѣмъ, можно сказать, за ничто гонятъ.. ни въ чемъ я не виноватъ... прямо сказать, зря муки принимаю...

— Такъ, такъ... сочувственно вторитъ ему хохолъ. — Невиненъ и непороченъ былъ, аки младенецъ, а пострадалъ, мученичество принимаешь... Что жъ, это по христіански выходитъ, по писанію... Читалъ, чай, въ писаніи сказано: кротцы и наслѣдятъ землю... Ну, вотъ, какъ ты кротокъ и смиренъ сердцемъ былъ, то и посылаютъ тебя наслѣдовать Вологодскую землю... Авось, тамъ сидя, надумаешься, что ужъ коли страдать, такъ было бы за что....

Парень смущенъ. Разговоръ переходитъ на религіозныя темы. Паренекъ высказываетъ елейныя мысли, хохолъ зло и безпощадно, при общемъ сочувствіи публики, преслѣдуетъ его. Наконецъ, совсѣмъ затравленный и растерявшійся

паренекъ пытается оправдаться и въ тонъ собесѣднику высказать что нибудь повольнодумнѣе...

— Что-жъ, – бормочетъ онъ, я-жъ это самое и говорю... Что русскій, что татаринъ, что жидъ—-всѣ одинаково люди... только что молятся разно... вѣры, значитъ, разной, а Богъ то одинъ...

— Всѣ одинаковы, говоришь,—повторяетъ хохолъ,— Богъ одинъ... А эту отличку зачѣмъ на шею повѣсилъ? И хохолъ дергаетъ парня за шейный крестъ, выскочившій наружу изъ растегнутаго ворота... Это зачѣмъ носишь? Всѣ одинаковы? Кабы ты Христа въ груди носилъ, а не на груди, то были бы одинаковы, а теперь, какъ ты значкомъ себя отмѣтилъ, то и выходитъ, что жидъ безъ этого значка для тебя нехристь, поганый...

Хохолъ, очевидно, заинтересовалъ собой присутствовавшихъ партійныхъ работниковъ и былъ намѣченъ ими, какъ достойная жертва пропаганды. Я видѣлъ его нѣсколько дней гуляющимъ по двору подъ руку съ интеллигентами, то съ соціалистами-революціонерами. то съ соціалъ-демократами. Съ результатами этого просвѣщенія мнѣ пришлось познакомиться совершенно случайно. Проходя разъ по корридору со свиданія, я услыхалъ въ камерѣ ожесточенный споръ и едва успѣлъ приблизиться къ спорящимъ, какъ изъ толпы выскочилъ хохолъ, возмущенный, негодующій и увлекая меня началъ изливаться:

— Нѣтъ, это что-жъ такое... Они чего хотятъ? („они“, какъ потомъ выяснилось, были соціалъ-демократы). Они хотятъ, чтобы мы у новыхъ господъ, у капиталистовъ крѣпостными сдѣлались... Мы сейчасъ въ ссылку идемъ, кровь льемъ, чтобъ землю добыть... А по ихнему выходитъ, что мы опять земли лишиться должны, что намъ у новыхъ помѣщиковъ батраками придется работать... А тамъ, лѣтъ черезъ сто, опять землю добывай, опять кровь лей... Ну, нѣтъ.. Мы на это не согласны...

Молодой парень, курянинъ, лѣтъ 21-22-хъ, въ бѣлой посконной рубахѣ и полосатыхъ шароварахъ домашняго тканья, какія носятъ хлѣбопашцы среднихъ губерній. Былъ избранъ своей волостью „въ депутаты Думы“, но такъ какъ избраніе состоялось путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, то избранникъ очутился не въ Думѣ, а въ тюрьмѣ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи депутата чувствуется увѣренность въ себѣ, самостоятельность, сознаніе собственнаго достоинства... По разсказамъ односельчанъ, отецъ, провожая сына въ ссылку, расплакался.

— О чемъ, батька, убиваешься, — съ укоромъ замѣтилъ ему сынъ.—Ты меня выростилъ, грамотѣ обучилъ, уму разуму наставилъ... Не воръ я вышелъ, не разбойникъ, за міръ въ ссылку иду, за правду страдаю... Не плакать бы тебѣ, а радоваться надо...

Рабочій соціалъ-демократъ, лѣтъ 35—40, горячій, фанатичный проповѣдникъ своихъ партійныхъ взглядовъ... Гдѣ бы ни образовалась кучка людей, ужъ онъ среди нихъ и слышится его страстная, убѣжденная, захлебывающаяся рѣчь.

Вотъ къ группѣ крестьянъ, гдѣ онъ ораторствуетъ, подходитъ парень—депутатъ. Надѣясь встрѣтить въ немъ поддержку своимъ идеямъ, нашъ проповѣдникъ набрасывается на подошедшаго:

— Вѣдь вамъ, крестьянамъ, что нужно? Земля? Правильно я говорю? Земля? Такъ вотъ, по нашему соціалдемократическому ученію, получай земли, сколько на твою долю придется... вотъ получай... въ собственность... въ собственность...

И присѣдая передъ парнемъ, нашъ проповѣдникъ взмахами рукъ беретъ и развертываетъ у ногъ его эту самую соблазнительную собственность. Парень стоитъ неподвижно, сложивъ руки на груди, и свысока, холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ мѣряетъ суетящуюся передъ нимъ фигуру.

— Въ со-о-бственность!? — насмѣшливо протягиваетъ соблазняемый. Въ собственность? Не нуждаемся! — рѣшительно отрѣзываетъ онъ. Это чтобъ у насъ ее міроѣды

черезъ два—три года къ рукамъ прибрали! Благодаримъ покорно на вашей милости....

Тотъ же проповѣдникъ во время прогулки подходитъ къ группѣ крестьянъ во дворѣ. Толкуютъ объ оставленныхъ хозяйствахъ, о неурожаѣ, предстоящей голодовкѣ, и другихъ деревенскихъ горестяхъ и нуждахъ.

— Вольно жъ вамъ голодать по деревнямъ сидя,—вмѣшивается въ бесѣду соціалъ-демократъ.—Впились въ землю, ровно клещи, и не оторвешь... Шли бы въ города... Что мы, обсѣвки что ли въ полѣ какіе? Какой дорогой другіе народы шли, такой же и намъ итти надо... Вонъ, въ Англіи, али Германіи—народъ валомъ на фабрики валитъ: города растутъ, а деревня на убыль идетъ... Такъ же и у насъ будетъ... Не минуешь...

— А кто же васъ тамъ, на фабрикахъ кормитъ будетъ?—раздаются голоса.—Хлѣбъ то гдѣ будете брать, какъ изъ деревень уйдутъ всѣ, пахать никто не будетъ?

— Вѣрно,—поддерживаетъ крестьянъ одинъ изъ интеллигентовъ,—Германія и Англія намъ не указъ... Нѣмцы и англичане сбываютъ свои фабричныя издѣлія другимъ народамъ, у которыхъ фабрикъ мало... Нѣмецкихъ и англійскихъ рабочихъ кормитъ хлѣбомъ крестьянинъ австралійскій, индійскій, американскій... А у насъ рынковъ нѣтъ: намъ сбывать своихъ фабричныхъ товаровъ некому, кромѣ какъ своему же крестьянину. На кого же наши фабрики работать будутъ, если весь народъ на нихъ сбѣжится, и кто фабричныхъ хлѣбомъ кормить будетъ, если съ земли пойдутъ всѣ?

— Нѣтъ... Это что зря болтать... безъ хлѣба, извѣстно, не проживешь... Безъ земли не обойдешься... А вотъ ты намъ лучше насчетъ земли поразскажи...

— Насчетъ земли?—вдохновляется проповѣдникъ.—Насчетъ земли наша социалдемократическая програма такъ рѣшаетъ: конфисковать, отобрать, значитъ, всѣ земли помѣщичьи, казенныя и монастырскія и передать ихъ всѣ крестьянамъ.

— Ну, зачѣмъ же выдумывать,—одергиваетъ увлекша-

гося оратора все тотъ же интеллигентъ. — Конфисковать то вы, вѣрно, собираетесь конфисковать, а о передачѣ всей земли крестьянамъ и не думаете... Напротивъ, по вашей программѣ какъ разъ безземельные и малоземельные земли то и не увидятъ...

— Нѣт-съ, позвольте... Зачѣмъ же программу искажать? Наша программа чего требуетъ? Му-ни-ци-па-лизаціи земли... А что это значитъ? Это значитъ, что всѣ конфискованныя земли передадутся земствамъ, а земства и будутъ ихъ въ аренду крестьянамъ сдавать... А вы говорите, земли не увидятъ...

— Въ аренду... — пробѣгаетъ по толпѣ ропотъ разочарованія. — У помѣщиковъ рендовали, а теперь у земства рендуй... Нѣтъ. Будетъ ужъ...

— Опять же вы невѣрно вашу программу толкуете... Въ аренду, правда, земство будетъ сдавать, но это вовсе не значитъ, чтобы крестьянамъ... Въ аренду будутъ брать тѣ, кто больше заплатитъ, у кого денегъ больше, капиталисты, значитъ, кулаки всякіе...

— Нѣтъ-съ! Зачѣмъ же-съ!.. Все норовите ученіе наше извратить... Земства то новыя какъ будутъ избираться? Всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ? Такъ? Стало быть, тамъ большинство то крестьянъ будетъ... Ну, а коли сами крестьяне хозяевами въ земствѣ будутъ, то ужъ постараются такъ устроить, чтобы земли къ своимъ, къ крестьянамъ въ руки попадали ..

— И опять-таки, голубчикъ, въ ересь впадаете... Согласно вашей соціалдемократической теоріи, революція наша будетъ буржуазной, и послѣ нея водворится у насъ капиталистическій буржуазный строй... А это значитъ, что власть вездѣ, и въ государствѣ, и въ земствахъ будетъ находиться въ рукахъ богатыхъ, капиталистовъ... На то жъ вы и землю крупнымъ губернскимъ земствамъ передать хотите, чтобъ распоряжались ей не одни крестьяне, а и городскіе жители: домовладѣльцы, купцы, фабриканты... Вѣдь по вашему ученію капитализмъ долженъ развиваться въ деревнѣ

также, какъ и въ городѣ, крестьянинъ долженъ земли лишиться, и вся земля должна въ рукахъ богатыхъ помѣщиковъ собраться... Такъ на чистоту и говорить нужно...

— По камерамъ, господа, пожалуйте! Кончена прогулка! — раздается въ эту минуту голосъ надзирателя.

Расходясь, крестьяне оживленно обсуждаютъ слышанное.

— Земство, вишь, землей завѣдывать будетъ, а вы, говоритъ, крестьяне въ земствѣ хозяевами будете, — разсуждаетъ одинъ изъ крестьянъ. А коли мы хозяевами будемъ, такъ кто жъ насъ заставитъ у самихъ себя землю въ аренду снимать? Да мы ее подѣлимъ между обществами, а въ обществахъ и будемъ по душамъ надѣлять... Чудаки, право...

Идетъ обсужденіе одного изъ первоначальныхъ проектовъ аграрной программы, выработанныхъ трудовой группой гдѣ говорится, что конфискованныя частновладѣльческія, удѣльныя, монастырскія и прочія земли образуютъ государственный земельный фондъ, изъ котораго будетъ прирѣзаться земля крестьянскимъ обществамъ до извѣстной нормы землепользованія. Робкая, неопредѣленная, половинчатая формулировка возбуждаетъ недоумѣніе и недовольство. Почему не говорится ясно и рѣшительно объ отмѣнѣ частной собственности на землю и о правѣ каждаго трудящагося на пользованіе землей, а говорится о какихъ то прирѣзкахъ изъ фонда? Одни объясняютъ эту робость, нерѣшительность и туманность проэкта необходимостью скрыть, затушевать отъ кадетовъ и правыхъ партій глубокій смыслъ реформы, другіе—боязнью трудовиковъ внести смущеніе въ крестьянскую среду, особенно подворниковъ и хуторянъ, объявленіемъ всей земли общественной собственностью...

Предлагаютъ высказаться крестьянамъ. Молчаніе... Наконецъ проситъ слова дѣдушка—полтавецъ.

— А что, дѣтки, начинаетъ онъ, съ какой то загадочной улыбкой обводя взглядомъ присутствующихъ, можетъ быть и вѣрно это обдумала трудовая группа на счетъ прирѣзокъ? Вѣдь какъ всѣхъ поровнять? Я, вотъ, скажемъ,

сколько за свою землю земскихъ и казенныхъ переплатилъ, да труда въ нее сколько уложилъ, а тутъ другой какой нибудь и не вносилъ за нее ничего, и не хозяйствовалъ на ней, а будетъ получать столько же, сколько и я... Справедливо ли это такъ будетъ, дѣтки?...

— Несправедливо, дѣдушка, разсуждаешь,—рѣзко набрасывается на старика парень—депутатъ, курянинъ—общинникъ.—Ты за свою землю по 5 али 6 рублей съ десятины платилъ, а тотъ то безземельный, можетъ, ее по 25 рублей въ аренду у помѣщика снималъ... Да работалъ то не меньше твоего... Намъ этихъ счетовъ теперь подымать нечего. Мало ли сколько нашъ братъ казнѣ да господамъ переплатилъ... Это все пропащее, надъ этимъ крестъ поставить надо... А намъ теперь о томъ надо думать, какъ намъ новую жизнь начинать, какъ намъ по новому, по справедливому устроиться, а не старые счета сводить...

Ропотъ одобренія...

— Опять же, братцы,—раздается голосъ одного изъ подворниковъ: о прирѣзкахъ толкуютъ, а было бы къ чему прирѣзать... Скажемъ, у насъ въ деревнѣ... Изъ за тѣсноты много народу по городамъ живетъ... Отъ деревни отбились, къ землѣ сейчасъ касательства не имѣютъ... Ну, а если въ деревнѣ насчетъ земли посвободнѣетъ, можетъ изъ нихъ кто пожелаетъ назадъ вернуться, пахать... Къ чему же ему прирѣзать? Нѣтъ, надо такъ, чтобы всякій, кто землю обрабатывать пожелаетъ, вотъ, приходи и получай, сколько своими силами управить можешь...

— Тутъ что еще въ соображеніе принять надо,—замѣчаетъ третій, тоже подворникъ.—Если мы всѣ за свои клоки держаться будемъ, вродѣ, какъ за собственность, да къ нимъ прирѣзки требовать, такъ мы-жъ грабителями выйдемъ... Отъ помѣщиковъ землю отбирать будемъ, чтобъ къ своей прирѣзать.. Нѣтъ! Если мы дѣйствительно собственность уничтожить хотимъ, такъ намъ нужно всю землю смѣшать, и помѣщичью и свою, окромя усадебной, а тогда уже и надѣлять ею всѣхъ, кто ее своими, а не

чужими руками работать хочетъ... По моему такъ...

— Вѣрно, дѣтки, разсудили, вѣрно, — съ довольнымъ, сіяющимъ видомъ заявляетъ неожиданно дѣдушка.

— Какъ вѣрно, дѣдушка? А самъ что же сейчасъ говорилъ? — раздаются удивленныя восклицанія.

— То я жъ нарочно... — плутовато — добродушно улыбается дѣдушка. — То я-жъ, чтобы мнѣніе спытать... А какъ вы правильно разсудили, то я съ вами согласенъ...

Общее удовлетвореніе...

Идетъ горячій споръ между соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами объ аграрной программѣ партіи соціалистовъ революціонеровъ. Одинъ изъ соціалъ-демократовъ заявляетъ, что единственный трезвый, послѣдовательный и практичный человѣкъ въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ — это Пѣшехоновъ, потому что онъ одинъ понимаетъ всю трудность раздѣла земли между общинами и предвидитъ, что между общинами вспыхнетъ изъ-за земли междоусобная распря, которая кончится тѣмъ, что община пойдетъ на общину съ дрекольями, и община сильная захватитъ земли больше, чѣмъ община слабая... Всѣ же остальные соціалисты-революціонеры, кто этого не понимаетъ и думаетъ равенство установить, все это мечтатели, фантазеры.

Послѣ спора спрашиваю у одного изъ слушателей, хохла изъ Донской области, сподвижника братьевъ Мазуренко, — какъ думаетъ онъ, правда ли, что крестьянскія общества должны при раздѣлѣ земли передраться между собой. Хохолъ, медля отвѣотмъ, смотритъ на меня долгимъ, пристальнымъ взглядомъ. Сожалѣніе, укоръ, снисходительную насмѣшку, а пожалуй, даже презрѣніе читаю я въ этомъ взглядѣ...

— Вотъ и видно, что вы, паны, въ нашей шкурѣ не бывали и нашей крестьянской нужды не знавали... А какъ мы безъ земли намаялись, нищету да голодъ на своихъ бокахъ извѣдали, такъ мы другъ дружку понимаемъ и

своего брата, повѣрьте, не обидимъ и не обдѣлимъ. Можетъ это у васъ, у пановъ, дѣла кольями рѣшаются, а по нашему, по крестьянски, выберемъ отъ обществъ полномочныхъ по уѣздамъ, либо по губерніямъ, разберутъ они по плантамъ, гдѣ сколько и какая земля, и размежуютъ ее по согласію, безъ обиды... Тѣсно если гдѣ, а въ другомъ мѣстѣ земли свободной много, желающимъ разселиться предложатъ... А то въ колья?... Это, должно, земскій начальникъ, а либо атаманъ какой писалъ... Привыкло начальство надъ народомъ палку держать, такъ и думаетъ, что народъ безъ палки, либо кола обойтись не можетъ...

Во время прогулки на дворѣ слышу въ собравшейся кучкѣ оживленный споръ. Подхожу. Говоритъ, судя по одеждѣ, картузу, пиджаку, сапогамъ и часовой цѣпочкѣ, не то мѣщанинъ, городской, не то крестьянинъ изъ зажиточныхъ. Человѣкъ уже не молодой, лѣтъ 40, съ рыжеватой, окладистой бородкой, живымъ и острымъ взглядомъ. Рѣчь складная, бойкая, увѣренная... Ораторъ, видимо, убѣжденъ въ своей правотѣ.

— Почему же такъ, позвольте васъ спросить, — обращается онъ къ двумъ крестьянамъ, на видъ изъ среднихъ губерній, — вы землю по мужскимъ душамъ предлагаете дѣлить, а женскія безъ земли оставляете? Души у бабы нѣтъ? Ротъ у нея ѣсть не проситъ? Или работаетъ меньше вашего? Такъ нѣтъ... Въ полѣ отъ васъ не отстаетъ, да дома и стряпаетъ, и семью обшиваетъ, и ребятъ выхаживаетъ... Вдовой все хозяйство ведетъ, всей семьи голова, а земли получить не моги... Какъ такъ? По какому праву землю себѣ во владѣніе берете? Вами она сотворена? Отъ земли всякая живая душа питается, земля всякому живому рту должна быть, всякому нарождающемуся, всѣмъ, что мужчинамъ, что женщинамъ, что старикамъ, что дѣтямъ... А то, мужикамъ, вишь, земля, а бабамъ не надо...

Сочувствіе окружающихъ, видимо, на сторонѣ оратора. Противники не знаютъ, что возразить и смущенно молчатъ.

Заинтересовавшись говорившимъ, я знакомлюсь съ нимъ. Гуляемъ по двору, и новый знакомый словоохотливо разсказываетъ мнѣ, кто онъ и откуда. Оказывается онъ сынъ безземельнаго двороваго Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губерніи, служилъ на желѣзной дорогѣ, занимался потомъ торговлей — торговалъ и виноградными виномъ и кабаньими тушами, снималъ, наконецъ, землю у помѣщиковъ, десятинъ по 100. Теперь имѣетъ 15 десятинъ купленной земли и ведетъ свое хозяйство.

— Когда землю арендовали, сами работали или рабочихъ держали?

— И рабочихъ держалъ, и самъ съ ними работалъ... Безъ своей работы невозможно. Плата за землю высокая: 25 рублей за десятину... Въ хорошіе годы кое-что оставалось, а въ плохіе — горе одно... Аренды вносить нечѣмъ и рабочимъ платить не изъ чего... Ворочалъ, какъ волъ... Вѣрите ли, въ горячую пору спать не приходилось... Отдѣлаешься поздно ночью, чуть задремлешь, ровно кто подъ бокъ толкаетъ. Вскочишь... опять за работу... Замаяла меня эта аренда... Теперь хоть меньше хозяйство, да свое... покойнѣе...

— За что же высылаютъ васъ?

— Да, видите ли... Какъ пошла смута, поднялись крестьяне противъ помѣщиковъ, заволновался народъ и въ нашихъ мѣстахъ... А тутъ еще выборы подошли... Помѣщики со страху хлопочутъ, какъ бы имъ землю черезъ Крестьянскій банкъ повыгоднѣе мужичкамъ спустить, начальство хлопочетъ, какъ бы ему своихъ людей въ Думу провести... То членъ управы, то земскій, то попъ, всѣ народъ собираютъ, всѣ съ народомъ, какъ добрые, толкуютъ... Провести, значитъ, обмануть хотятъ... Ну, они туману напускаютъ, а я народу правду открываю, объясняю... Землю, говорю, братцы, по этой цѣнѣ не покупайте, разсчету нѣтъ: разоритесь. Начальству угодныхъ людей въ Думу не посылайте, продадутъ они васъ: ни земли, ни воли не добудутъ... Ну, не понравились мои рѣчи начальству... Арестовали, къ высылкѣ приговорили...

Заговорили о землѣ, о крестьянскомъ союзѣ, о крестьянскихъ съѣздахъ... Узнавъ, что у меня есть протоколы ноябрьскаго крестьянскаго съѣзда, елисаветградецъ просилъ меня дать ихъ ему почитать. Черезъ недѣлю спрашиваю, прочиталъ ли онъ книжку.

— Не я одинъ прочелъ... Вся наша камера читала. И вслухъ ее читали, и по рукамъ ходила... Очень интересовались... Мы даже хотѣли просить, нельзя ли намъ эту книжку оставить... А это вотъ,—продолжаетъ онъ, вынимая изъ кармана сложенную тетрадку почтовой бумаги, — я свои мысли насчетъ земли записалъ... Прочтите и скажите, что думаете...

Придя къ себѣ въ камеру и развернувъ тетрадку, я прочелъ въ заголовкѣ: ПРОЕКТЪ. Привожу проектъ цѣликомъ, какъ онъ есть, исправивъ только орфографію.

„Земля должна быть каждому живому рту... Такъ, когда нарождается, дать должную равную, какъ и каждому взрослому, часть земли; у умирающаго отобрать, но только не въ томъ году, когда онъ умеръ, а на слѣдующій годъ, потому что въ этомъ году она уже была засѣяна и можно таковую считать опредѣленною.

Земля должна быть опредѣленная на участки: такъ городскимъ при городахъ, деревенскимъ при деревняхъ и дѣлить безъ исключенія ни одной живой души, и какъ на мужской полъ, такъ и на женскій. Только тогда, когда барышня выходитъ замужъ въ раіонъ другого участка, не у своемъ, то тогда надо тую часть земли, что на ней числилась въ этомъ участкѣ отобрать, а въ томъ дать, куда она вышла замужъ тое число десятинъ, по сколько у томъ участкѣ десятинъ на каждомъ.

Каждый можетъ отлучаться; если отлучившійся не пожелаетъ хозяйничать и пойдетъ на фабрику, на желѣзную дорогу или на еще какую службу, то на какую бы онъ должность не поступилъ, земля должна считаться за нимъ и за всѣмъ его семействомъ, но только все это время земля должна находиться за вѣдомомъ города или обще-

ства, но не въ пользу города или общества, а въ пользу таковыхъ безработныхъ, каковые не могутъ обрабатывать землю: стариковъ, калѣкъ, вдовъ, малыхъ сиротъ, которыхъ общество или городъ должны воспитывать и содержать до ихней способности и пожеланія занять свой участокъ земли. Итакъ, каждый работающій на заводѣ, фабрикѣ или служащій, можетъ во всякое время получить свой участокъ, только, если онъ броситъ свою должность и приступитъ къ сельскому хозяйству и будетъ самъ обрабатывать свой участокъ земли. О пожеланіи занять участокъ онъ долженъ заявить, пока она еще не занята или не опредѣлена никому. А если опредѣлена, то надо ждать слѣдующаго года. Батраки должны допускаться, какъ мужчины, такъ и женщины. Запахивать земли не должно быть допускаемо болѣе своего участка.

Землю кабинетную, удѣльную, монастырскую и владѣльческую, которой пользуются не купившіе таковую, а пользуются таковой переходящей по наслѣдству, какъ дарованной, отобрать безъ уплаты. А коковыя лица пріобрѣли при содѣйствіи банковъ, какъ крестьянскаго, такъ и государственнаго, по открытіи таковыхъ въ 1882 году, заплатить только тую цѣну, каковая существовала до открытія банковъ, потому что по открытію банковъ землей пошли торговать, какъ цыганъ лошадьми: пошла земля съ рукъ на руки, такъ что бывали такіе случаи, что другой участокъ такъ переходитъ съ рукъ въ руки, что только запродажныя дѣлаютъ, а купчая никогда не совершается, и добили своимъ захватомъ до того, что платятъ 300 и 305 рублей за десятину. По этому ихъ захвату и что нагнали такія цѣны,—не платить, а заплатить только по той цѣнѣ, каковая существовала до 1882 года. Земля не должна продаваться и покупаться, а переходить съ мертваго на живого человѣка не въ собственность. Вотъ такое мое мнѣніе. И. А. Г.

— Ну, какъ? Одобряете проэктъ мой? — спрашиваетъ елисаветградецъ при встрѣчѣ.

— Со всѣмъ въ нашемъ проэктѣ согласенъ, кромѣ двухъ мѣстъ. Вы пишитѣ: батраки должны допускаться. Конечно наемный трудъ нельзя запретить, да въ этомъ и надобности не будетъ. Кто же въ батраки пойдетъ, если, по вашему проэкту, всякій будетъ на свою долю землю получать. А если и наймется кто на такихъ условіяхъ, что скорѣе хозяину помощникомъ или товарищамъ будетъ, чѣмъ батракомъ. Это первое. А второе, какъ же вы хотите крестьянъ заставить платить за землю, когда сами же собственности на землю не признаете? Если земля не частная собственность, то какой же за нее выкупъ можно брать?

— Такъ-то это такъ... Да, вѣдь, несправедливо это такъ будто купленную землю даромъ отбирать... Кто на свой капиталъ домъ купилъ, или фабрику завелъ, при своемъ останется, а кто землю пріобрѣлъ, долженъ всего лишиться... Однимъ передъ другими обидно будетъ...

Ну, такую то обиду не мудрено уладить... Если одинъ отъ трудовъ неправедныхъ палаты каменныя или фабрику завелъ, а другой такимъ же неправильнымъ манеромъ землю пріобрѣлъ, то пусть промежъ себя и дѣлятся... Для ихъ поравненія обложить дома, фабрики и денежные капиталы особымъ налогомъ, да на эти средства и выкупить по дешевымъ цѣнамъ землю... А крестьянинъ и рабочій достаточно потрудились, чтобъ еще своими трудами землю выкупать...

Такое рѣшеніе вопроса, видимо, очень понравилось елисвветградцу.

— Да, такъ всего правильнѣй будетъ, — согласился онъ. Можно даже, — прибавилъ онъ, немного подумавъ, —не за всю землю платить, а назначить число извѣстное... За 100 или за 200 десятинъ, скажемъ, платить, а что сверхъ того, то отчуждается безплатно.

ГЛАВА II.

Крестьянскій съѣздъ.

(11—16 мая 1906-го года).

I. Крестьяне и партіи.

Вы удивлены... Какъ? Съѣздъ? Въ наше время, когда собранія разгоняются полиціей и казаками, а участники собраній арестовываются и бросаются въ тюрьмы? Да. Въ наше время съѣздъ состоялся и не только состоялся, но само попечительное начальство сдѣлало все, чтобы содѣйствовать его успѣху: оно любезно предоставило крестьянскимъ представителямъ безплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, оно взяло на себя расходы по ихъ содержанію на время съѣзда, оно благосклонно предоставило подъ засѣданія съѣзда просторное казенное помѣщеніе.

Мало того. Оно не только не разогнало съѣзда, но, напротивъ, выставило достаточный нарядъ полиціи, жандармовъ и надзирателей, чтобы охранять спокойную работу съѣзда и не позволить участникамъ его преждевременно разойтись. Можетъ быть, оно охотно арестовало и посадило бы въ тюрьмы членовъ съѣзда, но сдѣлать этого, не смотря на все свое всемогущество, оно не могло по той простой причинѣ, что они уже тамъ сидѣли. Съѣздъ засѣдалъ въ тюрьмѣ.

Засѣданія тюремнаго крестьянскаго съѣзда происходили въ одно время съ засѣданіями Государственной Думы. Крестьянскіе представители были и тутъ и тамъ; тамъ засѣдали „неприкосновенные“ депутаты, здѣсь „прикосновенные“ узники. Гдѣ же были болѣе вѣрные выразители народныхъ думъ, народной воли, — въ Думѣ или въ тюрьмѣ? Въ Думу, благодаря проискамъ и давленію начальства, представителями отъ крестьянства попало не мало такихъ его друзей, какъ Способные и Ерогины. Здѣсь, въ тюрьмѣ были люди, страданіями доказавшіе свою преданность народному дѣлу.

И здѣсь и тамъ обсуждали и рѣшали самый жгучій для крестьянства вопросъ, вопросъ о землѣ, но тамъ, въ Думѣ вопросъ затемнялся, путался, урѣзывался... Трудовикамъ приходилось прилаживаться къ мнѣнію кадетъ, сбивали съ толку увѣренія гг. Способныхъ, а также польскихъ и балтійскихъ „патріотовъ", будто „ихъ" крестьяне заклятые сторонники частной собственности и ни за что не допустятъ ея уничтоженія. Здѣсь, въ тюрьмѣ сужденія были проще, яснѣе и чище: крестьянскіе представители рѣшали вопросъ о землѣ такъ, какъ онъ рѣшался у нихъ на мѣстахъ самой народной массой... Истинный, неподдѣльный народный голосъ о землѣ звучалъ не тамъ, въ Думѣ, а здѣсь, въ тюрьмѣ.

Мысль объ устройствѣ крестьянскаго „съѣзда" возникла у группы находившихся въ тюрьмѣ соціалистовъ-революціонеровъ. Навели на нее отчасти сами крестьяне. Дѣло было такъ. Однимъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ прочитанъ рефератъ по земельному вопросу. Какъ разъ въ тотъ день, когда соціалдемократы должны были возражать, прибыла съ юга партія крестьянъ-аграрниковъ, по преимуществу хохловъ. Вечеромъ многіе изъ нихъ пришли послушать. Говорившій соціалъ-демократъ распространился о томъ, что крестьянинъ потому пролетарію не товарищъ, что у него душа собственника; указывалъ на французскаго и нѣмецкаго крестьянина, какъ на заядлыхъ собственниковъ; ссылался на Каутскаго, высказывавшаго опасеніе, чтобы крестьянскіе сыновья, обратившись противъ пролетаріата, не растоптали его своими тяжелыми, подкованными гвоздями сапогами; изъ всего этого дѣлался выводъ, что и русскій крестьянинъ, если стремится заполучить „землицы", то обязательно въ собственность...

Хохлы, послушавъ, возмущенные махали рукой, плевали и уходили въ корридоръ, гдѣ на свободѣ изливали свое негодованіе.

— Та ни, се брехня! — заявляли они. Таке меле, ка зна що и слухаты гыдко. Може нимцы, або хранцузы и

хотять землю у собственность, такъ намъ до цего яке дило, навишо на насъ набрихувать? Хиба мы дурни, що винъ за насъ вгадуе, чого намъ хочеться? А жежъ поспытавъ бы насъ, то и узнавъ бы, чого мы хочемо...

Въ самомъ дѣлѣ, не больше ли смысла и не интереснѣй ли „поспытать" у самихъ крестьянъ, что они думаютъ насчетъ земли, чѣмъ вести безконечные и безплодные споры съ соціалдемократами? Такова была мысль, сама собой приходившая въ голову. Рѣшено было устроить совѣщаніе съ крестьянами по земельному вопросу.

II. Протоколы съѣзда.

На первомъ засѣданіи, послѣ краткаго изложенія партійной программы, какъ бы съ цѣлью провѣрки ея пригодности, было предложено крестьянамъ и лицамъ, работавшимъ въ деревнѣ, разсказать, какъ рѣшаетъ крестьянство въ ихъ мѣстахъ земельный вопросъ. Первое слово дается интеллигенту Б.

1) Б. сообщаетъ, что 8-го ноября 1905-го года состоялся съѣздъ представителей 139 деревень *Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи*, который постановилъ, что земля должна быть общенародной, а пользованіе ею общественнымъ, съ надѣленіемъ каждаго по стольку, сколько онъ самъ своими руками въ силахъ обработать. Такое же рѣшеніе было принято на 4-хъ волостныхъ сходахъ *Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи*, о чемъ и составлены приговоры. Въ этихъ мѣстахъ владѣніе землей частью подворно-наслѣдственное, частью общинное.

2) *Крестьянинъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи* (подвор.-наслѣдств.).

У насъ на сходѣ было постановлено, что всѣ земли должны перейти въ общественное владѣніе безплатно. Помѣщикамъ оставить только усадьбы, а не захотятъ или не смогутъ жить въ усадьбахъ — отобрать и усадьбы. Надѣлять землей по душамъ въ пожизненное пользованіе,

чтобъ лучше могли удобрять. По смерти земля должна отходить въ общество. Долженъ быть оставленъ земельный запасъ. Въ случаѣ увеличенія семьи нарѣзается надѣлъ изъ запаса, въ случаѣ уменьшенія срѣзается въ запасъ. На запасной землѣ должна быть общественная запашка для общественныхъ нуждъ и прокормленія вдовъ и сиротъ. Батраковъ чтобы не было. Передѣлъ по израсходованіи земельнаго запаса или фонда.

3) *Крестьянинъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи.* (подвор. наслѣдст. изъ другого села).

Мы помѣщичьи крестьяне. По достатку народъ дѣлится у насъ на 3 разряда: 1) Богачи, имѣющіе по 10-20 десятинъ и больше. Такихъ дворовъ 20-30 на 600. Землю позахватали за прокормъ стариковъ и при переселеніяхъ. 2) Малоземельные, имѣющіе по полторы-двѣ десятины и 3, безземельные. Послѣ манифеста 17-го октября стали собираться, толковать о землѣ. Говорили больше малоземельные и безземельные. Богачи молчали. Согласились на томъ, что всѣ земли должны безъ выкупа перейти къ трудящемуся народу, послѣ чего землю крестьянскую, надѣльную смѣшать съ прочей и надѣлять по ртамъ. Пользованіе землей должно быть уравнительное. Расходились только въ томъ, что одни хотѣли дольше пользоваться, а другіе, большая часть, стояли за болѣе частые передѣлы. По моему (личному) мнѣнію необходимо при надѣленіи принимать количество усадебной земли, потому что одинъ имѣетъ ея одну шестую десятины, а другой до 2-хъ десятинъ. Полевой земли нужно дорѣзать къ усадебной до установленнаго количества.

4) *Крестьянинъ Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губерніи* (сынъ двороваго собственника 15 десятинъ).

Въ нашихъ мѣстахъ о землѣ рѣшали такъ. Берется вся земля, дѣлится на 3 участка по качеству и надѣляется по ѣдокамъ. Оставляется земельный фондъ или запасъ для нуждъ деревни. Черезъ каждые 10-12 лѣтъ передѣлъ. Для правильнаго хозяйства удобреніе поровну всѣми. При обработкѣ земли допускается наемный трудъ, въ случаѣ, на-

примѣръ, болѣзни или смерти домохозяина. Помѣщиковъ нужно содержать до пріисканія мѣста, службы или до смерти (до смерти только старыхъ). По моему мнѣнію нужно даже для обезпеченія дать имъ выкупъ за извѣстное количество десятинъ. Соціализмъ хорошее, справедливое дѣло, но осуществятъ его только дѣти наши, лѣтъ черезъ 20, когда люди „переродятся".

5) *Крестьянинъ Кролевецкаго уѣзда Черниговской губерніи* (подвор. наслѣдст.).

У насъ крестьяне постановили, чтобы вся земля безъ выкупа поступила въ общій передѣлъ. Землю разбить на 3 сорта: хорошую, среднюю и плохую и раздѣлить поровну на всѣ живыя души. Оставить земельный фондъ. Передѣлять черезъ 20 лѣтъ. На такой порядокъ, на общину, значитъ, многіе изъ казаковъ-хуторянъ согласны. Купившимъ землю, если выручили свои деньги, не платить, а неуспѣвшимъ выручить—доплатить. Вмѣстѣ съ землей въ общественное пользованіе отходятъ и лѣса, и рыбные промыслы, а также мельницы, но мельницы за выкупъ. „Панскій садъ и часть построекъ пойдетъ для богадѣльни, гдѣ будутъ себѣ гулять старые паны и прочіе разные бюрократы. Другія постройки употребить подъ школы, потому что мужики—темный народъ и намъ нужны школы, разныя школы и больницы нужны. Вотъ и все, что могу сказать, что говорятъ и наши мужики".

6) *Крестьянинъ Кременчугскаго уѣзда Полтавской губерніи.*. (Подвор. наслѣдст.).

Послѣ манифеста созываетъ наша Земская Управа уполномоченныхъ по 2 человѣка съ каждой волости. Предсѣдатель Управы предложилъ всѣмъ взять по программѣ партіи Правового порядка. Взяли мы, посмотрѣли: не нравится. Не согласны. Засѣданіе не состоялось. Отказались. Поѣхали по домамъ. Устроили совѣщаніе на мѣстахъ. Общества составили приговоры о землѣ. Вотъ 9-го декабря созываютъ насъ въ Управу на совѣщаніе. Народу съѣхалось множество: видимо не видимо: мабуть чоловікъ 300-500. Хотѣлъ

предсѣдательствовать предсѣдатель Земской Управы, но мы его смѣнили и назначили предсѣдателемъ крестьянина. Тутъ то и подали мы свои приговоры, а въ приговорахъ сказано: отобрать всю землю и помѣщичью и крестьянскую въ общую пользу, но не на правахъ собственности, а въ государственный фондъ. Безъ выкупа, потому мы за нее можетъ 100 разъ уже переплатили. Ну, тутъ помѣщики и другіе собственники встали и ушли. Много разговоровъ было, какъ надѣлять землю. Одни говорятъ по ѣдокамъ, другіе по мужскимъ и женскимъ взрослымъ душамъ, но больше склонялись надѣлять по работникамъ отъ 18 до 60 лѣтъ. Но не всю землю сразу дѣлить, а четвертую часть въ земельный фондъ отдѣлить для помощи въ несчастьяхъ и для нарѣзки нарождающимся. Были на съѣздѣ представители рабочей и революціонной партіи. Безземельные и батраки насчетъ общественнаго пользованія были съ нами согласны. Окончательное рѣшеніе объ землѣ большинство предлагало поручить Учредительному Собранію. На этомъ и кончилось наше совѣщаніе.

7) *Крестьянинъ Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи* (подвор.-наслѣдств.).

Село наше большое и богатое, потому что купили мы земли у помѣщика, кто 5 десятинъ, кто 3, кто 4. На общественномъ сходѣ рѣшили отобрать всю землю, уничтожить подворное владѣніе, а съ землей поступить такъ, какъ говоритъ программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ. На сходѣ соглашались даже обрабатывать землю сообща собственными орудіями и орудіями, взятыми у помѣщиковъ. Противъ были только 15 міроѣдовъ. А священникъ съ урядникомъ объ этомъ нашемъ рѣшеніи написали доносъ. Въ общественное владѣніе рѣшали передать не только землю, а и сады, мельницы. Полный надѣлъ опредѣляли по 4 десятины на каждую живую душу. Изъ нихъ по полъ-десятины отчисляли въ земельный фондъ для нуждъ деревни.

У докладчика спрашиваютъ:

— Сами ли крестьяне дошли до такого рѣшенія земельнаго вопроса?

— Склонялись нѣкоторые сами, но рѣшить по настоящему не могли. А потомъ привезли къ намъ прокламаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ: это много помогло. Крестьяне поднялись на ноги.

8) *Крестьянинъ Васильковскаго уѣзда Кіевской губерніи* (подвор.-наслѣдств.).

Предводитель дворянства Рева послѣ манифеста пригласилъ въ Кіевъ по 2—3 человѣка съ волости, чтобъ рѣшить, какъ крестьянамъ улучшить свое положеніе. Собралось народу съ 20 волостей 38 человѣкъ; предводитель дворянства передалъ предсѣдательствованіе графу Игнатьеву. „Этотъ графъ — всѣмъ извѣстный". Тутъ мы всѣ рѣшили, что вся крестьянская нужда отъ малоземелья, и что вся земля должна перейти къ намъ безплатно. Только недавно купившимъ уплатить то, что не успѣли еще выбрать. Лѣса для нашихъ нуждъ тоже должны перейти къ намъ безплатно, большіе же лѣса передаются въ завѣдываніе Центральнаго Россійскаго Комитета. Затѣмъ постановили отъ владѣнія подворнаго перейти къ общинному. А одинъ изъ старшинъ и говоритъ: такого, говоритъ, закона нѣтъ. Тутъ и рѣшили мы добиваться прежде всего свободы и правъ, а тогда уже найдемъ способъ раздѣлить землю. Ну, много кой чего тамъ бесѣдовали... Только стой! На другой день требуетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, 38 душъ, генералъ-губернаторъ Сухомлиновъ... Тамъ былъ и Савичъ, тоже извѣстный человѣкъ. Сухомлиновъ и говоритъ: „Вотъ вы собрались рѣшать свои нужды. Я очень радъ и доволенъ, что у меня нигдѣ не было безпорядковъ и бунтовъ. Царь желаетъ улучшить положеніе народа. Будемъ ждать царскаго приказа. Ждите и вы, а если будете бунтовать, то есть у меня пули и войско". — „Пули намъ, — говоримъ, — не страшны. Мы вѣримъ въ свѣтлое будущее, а правительство намъ пулями грозитъ". Вернулись мы домой, все разсказали у себя на сходахъ. Партіи у насъ не

работали, и рѣшили мы Крестьянскій союзъ устроить такъ, какъ писали объ этомъ въ газетахъ, и выбрать уполномоченныхъ на съѣздъ. Старшина выборовъ не дозволялъ: „по старому режиму нельзя“, — говоритъ. „Такъ то,—говоримъ ему,—не режимъ былъ, а одинъ прижимъ“. Выбрали уполномоченныхъ и постановили: землю конфисковать всю безъ выкупа. Надѣлять по всѣмъ живымъ душамъ. Передѣлы черезъ 12 лѣтъ. Выдѣлить земельный фондъ и ввести на немъ общественную запашку. Усадьбы оставить помѣщикамъ, а у кого, какъ у графовъ Браницкихъ, 15 али 20 домовъ, отобрать и усадьбы и пустить подъ школы. Помѣщичьимъ инвентаремъ обрабатывать земельный фондъ. Вотъ и все.

9) *Крестьянинъ Путивльскаго уѣзда Курской губерніи* (общинникъ, „депутатъ“ въ Думу).

Въ краткихъ, но сильныхъ словахъ разсказываетъ, какъ создалась на Руси частная собственность на землю, какъ пришлые князья съ ихъ дружинниками позахватили народную землю.

14-го января на волостномъ сходѣ постановили: землю всю отобрать — конфисковать. Передать въ общество также лѣсъ и фабрики, что въ усадьбахъ. Купившимъ недавно возвратить, что слѣдуетъ. Передѣлы по мужскимъ душамъ лѣтъ черезъ 15. Оставить земельный фондъ. Лѣсъ, чтобы зря его не рубили, отпускать не иначе, какъ за плату. Въ деревнѣ возстановить все, какъ было раньше; а не такъ, какъ теперь... Министровъ отмѣнить, земскихъ начальниковъ долой, стражниковъ долой. На 100 дворовъ будетъ — сотскій, на 10 — десятскій. Дѣла все будутъ рѣшаться какъ въ старину, на вѣчѣ; вѣче будетъ у насъ! Поповъ посадить на жалованье. Учителямъ жалованье увеличить: получаютъ нищенское... Завести всеобщее обученіе... Школы намъ нужны разныя... Учителя пусть учатъ и военной гимнастикѣ... Въ солдатахъ чтобы служили не 4—5 лѣтъ, какъ сейчасъ, а 1 мѣсяцъ... Вотъ что нужно намъ.

10) *Крестьянинъ Малоархангельскаго уѣзда Орловской губерніи* (общинникъ).

Мы — бывшіе крѣпостные. Есть у насъ и дарственники. Собраній или съѣздовъ не было, потому что собравшихся забирали. А на сходахъ соглашались такъ: земли всѣ отобрать, и крестьянскую тоже, и смѣшавши надѣлять по рабочимъ душамъ отъ 18 до 60 лѣтъ. Передѣлы дѣлать только черезъ 18 лѣтъ. Оставить земельный фондъ. Съ мертвыхъ земля — въ фондъ отходитъ, на нарождающихся изъ него нарѣзается. И лѣсъ и земля должны владѣться обществомъ, быть въ общественномъ пользованіи Лѣсу давать столько, сколько нужно,—,,потребительная норма" называется..

11) *Крестьянинъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи* (подворно-наслѣдств.).

Я, крестьянинъ, и всѣ крестьяне говорятъ: всѣ земли безъ исключенія переходятъ къ намъ въ общину, не въ собственность, а въ пользованіе. Земля должна быть всенародной, всероссійской, чтобы распоряжался ею весь народъ. Мужчины и женщины одинаково. Надѣляться должна по ѣдокамъ, передѣляться черезъ 8 лѣтъ. Это мнѣніе всего уѣзда. Принесли намъ его солдаты съ Дальняго Востока съ военныхъ митинговъ. Агитаторовъ отъ партій у насъ не было. Взяться за дѣло заставило малоземелье. Объ усадьбахъ не говорили.

12) *Крестьянинъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи* (подворно-наслѣдств.).

Послѣ манифеста собрались мы на волостной сходъ поговорить о нуждѣ деревенской, о землѣ. Порѣшили: всѣ земли отобрать безъ выкупа и надѣлить по ѣдокамъ. „Всякая живая душа должна воспитаться, должна и земли получить". Передѣлять черезъ 10 лѣтъ. Землю разбить при надѣлѣ на 3 сорта. Завести 4-хъ полье. Оставить земельный фондъ. Усадьбы оставить помѣщикамъ: „надъ садомъ трудився — нехай живе на своемъ дворѣ". Старикамъ и сиротамъ тоже дать земли и допустить для нихъ наемный трудъ. Толковали: какъ царству безъ денегъ быть? Поста-

новили налогъ съ дохода платить такъ, что со 100 рублей — 2 — 3 рубля, а съ тысячи набавить... „прогрессивный налогъ зовется“... Толковали еще, чтобъ изъ хорошей помѣщичьей земли по полъ-десятины „грунта“ нарѣзать для хуторского разселенія по нѣсколько дворовъ вмѣстѣ. Партіи у насъ не работали: „якъ почуяли, сами надумали“. Въ нашихъ мѣстахъ на половину казаковъ-собственниковъ, но они съ нами согласны, что должна земля отобраться...

13) *Крестьянинъ Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи* (четвертникъ или дарственникъ).

Пропаганды или агитаторства у насъ не было. До 17-го октября полное невѣдѣніе. Послѣ манифеста свободно стали толковать о землѣ. По газетамъ узнали, что есть Крестьянскій Союзъ. Стали дѣлать вырѣзки, выписки приговоровъ и вырабатывать свой планъ, свой союзъ. У насъ подворное владѣніе, называется оно „четвертныхъ правъ землевладѣніе“. Въ деревнѣ у насъ есть очень зажиточные, имѣющіе, напримѣръ, по 100 десятинъ. Многіе же ничего не имѣютъ. Кулаки ростовщичествомъ и спаиваніемъ позабирали землю. И вотъ, неимѣющіе земли скитаются по свѣту, пьютъ водку, воруютъ и погибаютъ въ Сибири, ссылаются на голодъ и смерть. Мы всѣ каменьщики, каждый годъ отправляемся человѣкъ по 500 на заработки на югъ. Многіе возвращаются на зиму, а многіе остаются тамъ искать работу, не могутъ пріѣхать, потому что денегъ не хватаетъ. И вотъ собрались мы на волостной сходъ и стали думать, какъ сдѣлать, чтобы этого больше не повторялось. И порѣшили: землю отобрать и передать въ общинное пользованіе. Дать, положимъ, по 3 десятины на живую душу, а по 1 десятинѣ съ души оставить въ запасъ и запасъ этотъ обрабатывать обществомъ на нужды деревни и государственныя подати. На общественныя должности и другія мѣста — присутственныя, такъ сказать, — выбирать долженъ народъ. И будетъ вездѣ народная власть. Помѣщикамъ тоже дать землю, если захотятъ работать. Можно даже такъ давать: если крестьянамъ 4 десятины, имъ — 10;

все равно въ трубу вылетятъ и земля наша будетъ. Экономіи оставить помѣщикамъ. Если кто купилъ землю, и прошла земская давность, у того отнять, а если земская давность не миновала — у того выкупить. Такъ говорятъ о землѣ крестьяне не только Ливенскаго уѣзда, а и многія волости Елецкаго уѣзда. Богачи, у кого 20 — 30 десятинъ, тоже согласны отдать землю. Одни говорятъ: „невозможно, чтобъ народъ дольше голодалъ", а другіе: „больно много злобы въ народѣ накопилось; не было бы худа". У меня у самого съ братомъ 30 десятинъ, и мы за то же стоимъ. Наемнаго труда не допускать. Сиротамъ и старикамъ пусть лучше помогаетъ общество. Землю раздѣлить на 3 сорта по качеству. Передѣлъ совершать тогда, когда будетъ израсходованъ весь земельный фондъ. „Ну, да землю то подѣлить мы сумѣемъ. Дѣло это у насъ налажено хорошо".

14) *Крестьянинъ Елецкаго уѣзда Орловской губерніи* (общинникъ).

Подтверждаетъ полное согласіе мнѣній о землѣ ихъ крестьянъ съ мнѣніями ливенцевъ, разсказываетъ объ образованіи у нихъ Крестьянскаго Союза и о борьбѣ съ помѣщиками.

15) *Крестьянинъ Фатежскаго уѣзда Курской губерніи* (общинникъ).

Общество наше угнетенное, малоземельное. На общественномъ сходѣ постановили мы: землю отобрать безъ выкупа. Никѣмъ она не сдѣлана и ничьей собственностью быть не можетъ, а потому должна быть въ общенародномъ государственномъ владѣніи и надѣляться работающимъ на ней мужчинамъ и женщинамъ одинаково. Это я такъ крестьянамъ посовѣтовалъ: я — старшій штабный писарь, прибылъ съ Дальняго Востока, гдѣ много наслушался на солдатскихъ и другихъ митингахъ. Крестьяне, какъ одинъ, согласны. Справедливо, да и черезполосицу необходимо уничтожить. У нѣкоторыхъ участки въ 20 верстахъ отъ двора. Землю надѣлять на души обоего пола отъ 15 до 60 лѣтъ. Помѣщикамъ оставить усадьбы. Гдѣ брать теперь подати? Подати брать съ доходности земли. 10% въ казну, а 10

или 15 въ общество на всякія нужды и для общественнаго кредита. Священникамъ и учителямъ назначить жалованье изъ этихъ же денегъ. Необходимо также завести потребительныя лавки и общественную выписку машинъ. Распредѣленіе земли въ государствѣ должно быть поручено „честнымъ людямъ изъ Государственной Думы".

16) *Крестьянинъ Каменскаго округа Донской области* (подворно-наслѣдств.):

Составили мы Крестьянскій Союзъ и рѣшили всю землю конфисковать и раздѣлить ее по живымъ душамъ. Завести также всеобщее обученіе за государственный счетъ. Но землю намъ даромъ не отдадутъ; надо за нее бороться съ помѣщиками и старшинами. На сходѣ рѣшили устроить такъ, чтобы начальство насъ боялось, рѣшили добиться свободы и всеобщаго избирательнаго права „по 4-хъ членной формулѣ".

17). М. (интеллигентъ).

За 12 лѣтъ мнѣ довелось исколесить вдоль и поперекъ всю Екатеринославскую губернію, исключая Верхнеднѣпровскій уѣздъ, всю Таврическую губернію, безъ уѣздовъ Ялтинскаго и Перекопскаго, южные уѣзды Херсонской и Бессарабской губерній и два уѣзда Харьковской: Старобѣльскій и Изюмскій. Всюду приходилось мнѣ бесѣдовать съ крестьянами и всюду приходилось слышать тѣ же мнѣнія о землѣ, какія мы слышали сейчасъ здѣсь. Земля, какъ воздухъ и вода, не можетъ находиться въ частной собственности и должна перейти безъ всякихъ выкуповъ въ уравнительно-трудовое пользованіе работающихъ на ней. Земля общенародное достояніе и должна находиться въ общинномъ пользованіи и передѣляться черезъ извѣстные сроки. Долженъ быть оставленъ земельный фондъ, который обрабатывается обществомъ для нуждъ деревни. Къ общинѣ должны перейти и лѣса, и рыбныя ловли, а также мельницы и заводы, и всѣ относящіяся къ сельскому хозяйству промышленныя заведенія, гдѣ должно вестись общественное хозяйство. На югѣ много крестьянскихъ земель занято виноградниками, садами и бахчами. Какъ съ

ними быть? Крестьяне рѣшаютъ установить для усадебной земли извѣстную норму, напримѣръ, въ 2 десятины. У кого меньше, тому нарѣзается хорошей земли до этой нормы, а у кого больше, тотъ, если хочетъ продолжать ею пользоваться, долженъ за излишекъ платить обществу аренду и и за землю и за плоды. Земельный фондъ съ общественной его обработкой и сейчасъ существуетъ въ нѣкоторыхъ селахъ указанныхъ мной мѣстностей, особенно въ селахъ Екатеринославской губерніи Александровскаго уѣзда, и въ селахъ Таврической губерніи, въ уѣздахъ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ. Вдоль побережья рѣки Волчьей въ Екатеринославской губерніи, въ селахъ Павловкѣ, Большемихайловкѣ и другихъ общиной запахивается по 200 и 400 десятинъ.

Далѣе докладчикъ разсказываетъ о крестьянскомъ движеніи на югѣ Россіи и въ заключеніе выражаетъ увѣренность, что трудовое крестьянство добьется Земли и Воли...

Предсѣдатель, дѣлая общій обзоръ всего сказаннаго на совѣщаніи, приходитъ къ заключенію, что рѣшеніе земельнаго вопроса крестьянами въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ рѣшеніемъ земельнаго вопроса партіей соціалистовъ-революціонеровъ: крестьяне требуютъ соціализаціи земли, то есть, перехода земли въ общественное трудовое пользованіе.

III. Крестьянское рѣшеніе земельнаго вопроса.

Докладчиками на съѣздѣ выступали 17 лицъ, изъ нихъ 2 интеллигента, 11 крестьянъ подворниковъ (среди которыхъ одинъ четвертникъ-дарственникъ), 4 общинника и 1 хуторянинъ- собственникъ. Представителями мнѣній о землѣ крестьянъ своихъ мѣстностей являлись 16 лицъ: двое отъ двухъ уѣздовъ *Херсонской губерніи*, трое отъ 2-хъ уѣздовъ *Кіевской губерніи*, одинъ отъ 1 уѣзда *Черниговской губерніи*, одинъ отъ 1 уѣзда *Подольской губерніи*, двое отъ 2-хъ уѣздовъ *Курской губерніи*, трое отъ 3-хъ уѣздовъ *Орловской губерніи*, и одинъ отъ 1 округа *Донской области*. Сверхъ того имѣлось сообщеніе объ отношеніи крестьянъ къ землѣ—*Екатеринославской*, *Таврической*, *Харьковской и*

Бессарабской губерній. Въ общемъ имѣлись свѣдѣнія по 12 губерніямъ, преимущественно юга Россіи.

Необходимо прежде всего отмѣтить, что за исключеніемъ трехъ, всѣ докладчики являлись людьми внѣпартійными. „Пропаганды и агитаціи у насъ не было"—определенно, заявляли многіе изъ нихъ. „Якъ почуяли, сами надумали". Рѣшеніе земельнаго вопроса слагалось, такимъ образомъ, болѣе и менѣе самостоятельно, безъ прямого вліянія партій. Даже Крестьянскій Союзъ, членами котораго состояли многіе изъ представителей, создался въ ихъ мѣстахъ лишь послѣ 17-го октября, притомъ безъ участія постороннихъ организаторовъ, по почину самихъ крестьянъ, подъ впечатлѣніемъ газетныхъ сообщеній и отчетовъ о засѣданіяхъ ноябрьскаго Крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ. Въ двухъ случаяхъ опредѣленно отмѣчено вліяніе сознательныхъ солдатъ, вернувшихся съ Дальняго Востока.

Разсмотримъ теперь эти крестьянскія рѣшенія земельнаго вопроса по существу.

Всѣ представители безъ исключенія, даже собственникъ-елисаветградецъ, высказались рѣшительно и рѣзко противъ частной собственности на землю. Это тѣмъ болѣе интересно, что громадное большинство ихъ составляютъ подворники, тѣ самые подворники, о собственнической душѣ которыхъ такъ много и увѣренно толкуютъ соціалъ-демократы и на которыхъ такъ охотно ссылались въ Думѣ кадеты, какъ на противниковъ отмѣны частной собственности на землю.

Также единодушно и рѣшительно высказались крестьяне за общинное пользованіе землей: общинники за сохраненіе общины, подворники за переходъ къ общинѣ. За общину стоялъ и хуторянинъ-собственникъ, но особенно горячимъ ея сторонникомъ выступилъ подворникъ-четвертникъ ливенецъ. Тамъ, въ деревнѣ его, испытавшей на своей шкурѣ прелесть собственности, уже осуществилась до извѣстной степени мечта соціалъ-демократовъ о „введеніи деревни въ условія буржуазнаго строя", тамъ кулаки

пособирали по 100 и болѣе десятинъ и обезземелили, превратили въ пролетаріевъ большинство своихъ односельчанъ....

Интересно то, что, стремясь расширить свое землепользованіе, крестьяне заботятся не о своей только общинѣ, не о томъ, чтобы увеличить земельныя владѣнія своего села. Они прекрасно понимаютъ, что земельное устройство должно быть дѣломъ всего народа. Земля, по ихъ выраженію, должна быть „всенародной, общенародной, общегосударственной, всероссійской". Они говорятъ объ Учредительномъ Собраніи, какъ о вершителѣ земельнаго дѣла. И особенно ярко эта мысль объ общегосударственномъ значеніи земельнаго вопроса проявилась у нашихъ солдатъ на Дальнемъ Востокѣ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, объединенныхъ общей горькой участью и сообща обсуждающихъ измѣненіе порядковъ на далекой родинѣ.

Община, по общему мнѣнію, должна быть передѣльной. Сроки передѣловъ назначались самые различные, начиная отъ 8, 10, 12, 15, 20-ти лѣтъ и кончая временемъ „израсходованія земельнаго фонда". Необходимость земельнаго запаса или фонда признавалась всѣми единодушно. Назначеніе фонда очень широкое. Изъ него въ ожиданіи общаго передѣла должна нарѣзаться земля всѣмъ нарождающимся или вселяющимся въ общину, въ него должны отходить земли умершихъ или выселяющихся изъ общины. Фондъ долженъ обрабатываться и убираться всѣмъ обществомъ; для этой общественной обработки многіе предлагаютъ воспользоваться машинами и орудіями, взятыми изъ помѣщичьяго хозяйства. Собранный урожай долженъ итти на образованіе продовольственнаго запаса, на уплату различныхъ денежныхъ повинностей, на содержаніе вдовъ, сиротъ и стариковъ. Такимъ образомъ, земельный фондъ служитъ нѣсколькимъ цѣлямъ. Во-первыхъ, это постоянно дѣйствующій уравнитель землепользованія, благодаря которому нѣкоторые находили возможнымъ откладывать общіе передѣлы до „израсходованія земельнаго фонда". Во-вторыхъ, фондъ является источникомъ удовлетворенія различ-

ныхъ общественныхъ нуждъ. Въ третьихъ, при обработкѣ его сообща машинами, онъ можетъ явиться нагляднымъ примѣромъ выгодъ крупнаго общественнаго хозяйства. И наконецъ, въ четвертыхъ, развивая въ крестьянствѣ общественные навыки, можетъ послужить переходной ступенью къ соціалистическому строю, своего рода какъ бы школой соціализма.

Какъ должна распредѣляться земля въ общинѣ? Только въ трехъ мѣстахъ рѣшали надѣлять землей однѣ лишь мужскія души въ рабочемъ возрастѣ отъ 15, 18 до 60 лѣтъ. Громадное же большинство высказывалось за надѣленіе по ѣдокамъ, по „живымъ ртамъ". Такимъ образомъ, крестьянская масса стремится осуществить право на землю всякаго нарождающагося въ міръ.

Что касается неработоспособныхъ: сиротъ, стариковъ и калѣкъ, то вопросъ о помощи имъ рѣшался различно. Одни склонялись болѣе въ пользу общественнаго призрѣнія, содержанія за счетъ земельнаго фонда. Другіе настаивали на равномъ съ прочими надѣленіи землей, причемъ предлагалось или допустить для этихъ исключительныхъ случаевъ наемный трудъ, или, что вызвало болѣе сочувствія, общественную обработку надѣловъ.

Справедливаго распредѣленія земли по качеству предполагалось, по общему мнѣнію, достигнуть дѣленіемъ земли по урожайности ея на 3 сорта и нарѣзкой изъ каждаго сорта. Возможность денежнаго равненія, напримѣръ, обложеніемъ верховъ, повидимому не приходила въ голову.

Какъ относится къ планамъ новаго земельнаго устройства сельская буржуазія, многоземельные крестьяне и богатые собственники, интересы которыхъ должны пострадать отъ новыхъ порядковъ? По однимъ отзывамъ, они высказываются противъ, по другимъ—молчатъ, но есть не мало сообщеній и о согласіи ихъ на уничтоженіе земельной собственности и переходъ къ общинѣ. Очевидно, даже сельская буржуазія начинаетъ сознавать невозможность удержать старый порядокъ. „Невозможно, чтобъ дольше го-

подалъ народъ". Изъ этой сознательной части буржуазіи одни готовы отказаться отъ своихъ выгодъ за страхъ, „не было бы худа", другіе за совѣсть, какъ ливенецъ или елисаветградецъ.

Вопросъ, на какихъ условіяхъ должна земля перейти къ трудящимся, не вызывалъ разногласія. Безъ выкупа,-рѣшали всѣ, и только за землю, недавно купленную, соглашались уплатить то, что купившій не успѣлъ „выбрать изъ земли".

Большинство рѣшало оставить усадьбы ихъ владѣльцамъ. Меньшинство соблазнялось занять усадебныя постройки подъ школы, больницы и богадѣльни. Но всѣ признавали, конечно, за помѣщиками право получить такіе же надѣлы, какіе придутся на долю трудящихся.

Лѣса, необходимые для общественныхъ нуждъ, передаются въ распоряженіе общинъ вмѣстѣ съ землей и пользованіе ими устанавливается по „потребительной нормѣ". Лѣса болѣе крупные переходятъ въ завѣдываніе государства.

Наемный трудъ одними допускался въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ болѣзнь или смерть домохозяина, вдовство, сиротство и тому подобное, другими рѣзко отвергался: „наемнаго труда не допускать. Сиротамъ и вдовцамъ пусть помогаетъ община". Впрочемъ, потомъ, въ частной бесѣдѣ всѣ согласились, что запрещеніе наемнаго труда не имѣетъ ни смысла, ни нужды, разъ осуществится право каждаго на землю. „Зачѣмъ я къ сосѣду наймусь, когда у себя на землѣ могу работать? А если случится наняться, такъ за настоящую цѣну". Всѣми было понято, что съ уничтоженіемъ частной собственности на землю, исчезаетъ и эксплоатація безземельнаго землевладѣльцемъ, а стало быть, мѣняется и характеръ наемнаго труда. Соціализація земли неизбѣжно, сама собой уничтожаетъ земельное рабство въ видѣ батрацкаго труда.

Говоря о землѣ, крестьяне не могли не говорить о волѣ. Всѣмъ было ясно, что одна съ другой неразрывно свя-

зана. Крестьяне понимали отлично, что лишеніе ихъ земли явилось дѣломъ государственнаго насилія, и что помѣщичье землевладѣніе держится только защитою власти. Вотъ почему въ ихъ рѣчахъ, на ряду съ землей, упоминается объ учредительномъ собраніи, о народной милиціи, о замѣнѣ чиновничьей власти, властью выборной, народной. „Вѣче будетъ у насъ" говоритъ одинъ изъ докладчиковъ.

Крестьянинъ требуетъ земли и воли. Земли—въ общенародное распоряженіе и въ общинное пользованіе, воли—съ полнымъ народовластіемъ, съ выборностью всѣхъ общественныхъ слугъ.

Но нѣкоторые изъ этихъ непартійныхъ крестьянъ уже не останавливаются и на „землѣ и волѣ"... Они идутъ дальше... Они „вѣрятъ въ свѣтлое будущее", въ будущее соціализма... „Хорошее дѣло соціализмъ,—говоритъ собственникъ—елисаветградецъ,—да осуществятъ его только дѣти наши, лѣтъ черезъ 20, когда люди переродятся"...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій пр., 5.
1907

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ТРУДОВОЙ СОЮЗЪ".

С.-Петербургъ, Калашниковскій 7, кв. 11.

Поступили въ продажу:

И. В. Майоровъ. *Трудовое товарищество (кооперація)* ц. 6 к.
А. Б-ичъ. *Крестьянская Дума въ тюрьмѣ (Матеріалы къ изученію народнаго правосознанія)* . . . . ц. 7 к.
Вас. Вовчокъ. *Какъ земля обогатитъ народъ* . . . ц. 12 к.

Въ провинцію книги высылаются только наложеннымъ платежомъ. Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада издательства на сумму до 10 р. скидка 25%, отъ 10 р. до 50 р. скидка 30% и свыше 50 руб. скидка 33⅓%. Частныя лица выписывающія на сумму свыше рубля въ Европейской Россіи за пересылку не платятъ.

Тип.-лит. А. П. Вейсбрута. Троицкій просп.

